

Нетрудно заметить, что в этих высказываниях заключаются симпатичные и верные мысли. Но разве можно *так* писать о Чехове?

И все же, несмотря на указанные недостатки, книга Г. Бердникова во многих отношениях заслуживает внимания и будет с интересом встречена читателем.

И. ПИГЛЯР

ПЕРЕВОД ИЛИ ОРИГИНАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ? *

Первая публикация древнерусской переводной повести об албанском национальном герое Георгии Кастриоте, более известном под именем Скандербега, вводит в научный оборот одно из интереснейших произведений, посвященных выдающимся историческим деятелям средних веков. В XV веке борьба албанского народа под водительством этого талантливой полководца была важнейшим фактором, обеспечившим отпор агрессии турок, рвавшихся в Западную Европу. Естественно, что образованные русские люди интересовались ходом этой борьбы, во многом напомилавшей события, происходившие на Руси в период татаро-монгольского ига. К тому же в XVII веке, первыми годами которого мы склонны датировать появление в России повести о Скандербеге, Москве приходилось отражать частые набеги крымских татар и турок.

Настоящее издание состоит из двух разделов — текста повести и приложения. Повесть о Скандербеге опубликована Н. Розовым по рукописи библиотеки Соловецкого монастыря с приведением разночтений из восьми других списков, известных издателю. Анализ особенностей этих списков сделан с необходимой научной добросовестностью. Однако следует отметить, что Н. Розовым не привлечены некоторые другие списки повести. Кроме того, исследователь не проделал всей нужной работы по выяснению взаимоотношений списков. Так, указав, что список собрания Министерства иностранных дел позволяет восстановить первоначальный текст переводной повести о Скандербеге, Н. Розов ограничивается констатацией этого факта, хотя вопрос о первичном тексте всегда должен занимать важное место в рассмотрении судьбы того или иного произведения древнерусской литературы.

Во втором разделе книги помещены статьи, комментарии, указатели имен и названий и другие научно-справочные сведения. Существенной частью этого раздела является статья албанского ученого Алекса Буда, рисующая общую историческую картину освободительной борьбы албанского народа в XV веке. Большую ценность представляет данная в статье научная критика многих биографий Скандербега и других источников, в какой-то мере затрагивающих события жизни и деятельности полководца. В обширных комментариях, составленных Н. Чистяковой, читатель найдет подробное объяснение всех исторических событий и лиц, географических названий, реалий государственного и частного быта, упомянутых в повести. При этом автором обильно использована историческая литература, главным образом иностранная.

Центральное место в этом разделе занимает статья Н. Розова «Древнерусская повесть о народном герое Албании и ее источники». Наиболее удачной главой статьи

* «Повесть о Скандербеге», Серия «Литературные памятники», изд. АН СССР, М.—Л. 1957, 244 стр.

нам представляется характеристика основного источника древнерусской повести — отрывка из «Всемирной хроники» польского публициста и сатирика М. Бельского (1495—1575), восходящей в свою очередь к южнославянской повести о Скандербеге-Черноевиче и монументальной биографии Скандербега, составленной его младшим современником Марином Барлетием (1450—1512). Розов тщательно исследует взаимоотношения этих произведений и устанавливает соответствие их историческим документам эпохи.

Возражение вызывает мнение Н. Розова об оригинальности русской повести о Скандербеге. Хотя исследователь не отрицает, что сюжет, многие идейные мотивы, образность и фразеология повести заимствованы, а в большинстве случаев сравнительно точно перенесены из оригинала, то есть их хроники Бельского, он все же считает, что отдельные поправки, добавления и сокращения, сделанные русским переводчиком, позволяют ставить вопрос об оригинальности древнерусской повести о Скандербеге. Древнерусская литература действительно знает примеры столь коренного изменения заимствованного сюжета, что появившееся в результате такой переработки произведение можно считать самостоятельным. Так обстоит дело, например, с повестью о Еруслане Лазаревиче. Но, с другой стороны, не следует забывать, что старинная повесть на протяжении своего многовекового существования в русской литературе испытала заметную эволюцию, сказавшуюся в изменении и приспособлении ее содержания и стиля к потребностям той или иной эпохи.

Заметно, что издатели сами колеблются в определении степени оригинальности повести. В статье Н. Розова повесть называется «наиболее полным и законченным произведением русской литературы о народном герое Албании» (стр. 132). Тут же объясняется, что «в русской повести налицо значительная переработка польского источника» (стр. 132). В других местах статьи и в комментариях древнерусская повесть рассматривается как самостоятельный источник биографии Скандербега, а сам автор повести именуется «биографом Скандербега» (стр. 108). В то же время в комментариях повесть уклончиво называется самостоятельной переработкой главы о Скандербеге из хроники Бельского, то есть в значительной мере оригинальным произведением русской литературы XVII века (стр. 164).

Говоря о переработке, вернее об отдельных попытках переосмыслить идейно-политическое содержание повести на русской почве, Н. Розов приводит только те факты, которые свидетельствуют в пользу его точки зрения, и обходит другие, которые с очевидностью его предположения опровергают. Он полагает, что в русской повести Скандербег не выступает как «идеальный христианский монарх» и его борьба с турками не объясняется как борьба христианства с иной верой. Однако исследователь не анализирует включенной в повесть переписки Скандербега и турецкого султана. А ведь из нее видно, что борьбу с турками Скандербег мотивирует именно различием веры и даже предлагает туркам в качестве ультимативного условия мира поголовное принятие христианства. Конечно, такая трактовка личности Скандербега противоречит исторической оценке его деятельности, но тем не менее она налицо и в древнерусской повести. Приведя многие примеры переработки хроники Бельского в русском переводе и считая их проявлением самостоятельного взгляда переводчика на историю войн Скандербега, Н. Розов склонен объяснить факты обратного порядка некритическим отношением автора к своему источнику. Не убедительной представляется нам и попытка Н. Розова рассматривать замену русским переводчиком стиля батальных эпизодов оригинала типическими формулами русской воинской повести как доказатель-

ство оригинальности произведения. Такая особенность русских переводов прослеживается со времени Киевской Руси (ср. перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия).

Малодоказательны и разыскания относительно литературного оформления русского перевода. Недостатком этой стороны статьи является частное смешение элементов содержания и формы. Характеристику социальных взаимоотношений, проявляющуюся в речах и переписке героев, Н. Розов относит к «способу изложения» (стр. 139). По его мнению, самостоятельность литературного оформления русской повести определяется тем, что она «прежде всего несколько короче соответствующей главы из хроники Бельского» (стр. 138). Наряду с этим Н. Розов указывает, что народно-поэтические образы и сравнения из хроники Бельского «целиком перешли в русскую повесть» (стр. 125). Но почему-то ритмическую структуру некоторых речей персонажей автор статьи считает «особенностью творческого метода автора русской повести» (стр. 143).

Суммируя сказанное, вряд ли возможно принять точку зрения издателей об оригинальности древнерусской повести о Скандербеге хотя бы уж потому, что во всех списках повести имеется подзаголовок: «выложена (или «переложена») с польския хроники на руское с Мартинова письма Бельского» (стр. 9). Есть ли основания опровергать это указание самого переводчика и переписчиков?

В заключение следует сказать, что, несмотря на отмеченные здесь недостатки издания, самое опубликование переводной повести о Скандербеге расширяет наше представление об исторической осведомленности русских книжников. Повесть, несомненно, займет достойное место в учебниках по древнерусской литературе, так как переводная литература XVII века представлена в них преимущественно западной рыцарской повестью и сборниками шуточного и поучительного характера.

В. ЗАЙЦЕВ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О «МОЛОДОЙ ГЕРМАНИИ»*

Книга профессора Лейпцигского университета В. Диде посвящена одному из важных эпизодов той напряженной борьбы, которая идет уже более века вокруг истолкования творчества Гёте и Шиллера. На текущем этапе этой борьбы — весьма остром — книга В. Диде помогает проследить прогрессивные традиции немецкой критики, показывает превосходство исследовательского метода молодого Энгельса в сравнении с теми суждениями о творчестве Гёте и Шиллера, которые Диде находит у писателей и критиков так называемой «Молодой Германии».

Это движение В. Диде справедливо определяет как «мелкобуржуазное по своему классовому характеру» (стр. 291). Показывая борьбу «Молодой Германии» против реакционных течений немецкой литературы 30-х годов, Диде отнюдь не идеализирует писателей и поэтов «младогерманцев»; в своей критической оценке их деятельности он опирается на принципиальные положения работы Ф. Энгельса «Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев».

* Walter Dietze, *Junges Deutschland und deutsche Klassik. Zur Aesthetik und Literaturtheorie des Vormärz*. Berlin, Rütten und Loening, 1957, 391 S.